

§4 АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО И ДРУГИЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

Козяйкин Н.Я.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ АДВОКАТУРЫ

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы криминальной подверженности сферы деятельности современной адвокатуры. В авторской позиции рассматривается комплекс криминологически значимых, но имеющих полиотраслевой юридический характер, обстоятельств, обуславливающих источники криминализации адвокатуры: деформация правосознания и правовой нигилизм защитников, влияние криминальной субкультуры, недостатки правового регулирования. Оказание юридических услуг адвокатом нельзя назвать деятельностью индивидуального предпринимателя, направленной на получение доходов и извлечение прибыли. Вполне определенно здесь звучит положение пункта 2 статьи 1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которой адвокатская деятельность не является предпринимательской. Несмотря на это, здесь можно отметить лишь особое положение адвокатов как лиц, имеющих определенный статус самозанятых субъектов, занимающихся некоммерческой деятельностью при заключении возмездных договоров на оказание услуг юридического характера, подлежащих оплате. Методологическую основу статьи составили современные достижения теории познания. В процессе исследования применялись теоретический, общеправовые методы (диалектика, системный метод, анализ, синтез, аналогия, дедукция, наблюдение, моделирование), традиционно правовые методы (формально-логический), а также методы, используемые в конкретно-социологических исследованиях (статистические, экспертные оценки и др.). При рассмотрении организационно-правовых детерминант появления и развития услуг «решал» предлагается сослаться на мнение авторитетного представителя адвокатского сообщества Е. Семеняко, который приводит следующие суждения: «мы практически единственная страна в Европе, в которой помимо адвокатов юридическую помощь могут оказывать и индивидуальные предприниматели, и люди, не имеющие вообще юридического образования. В результате наряду с адвокатами, которые сдают квалификационные экзамены и несут ответственность за качество своей работы, практикуют люди, утверждающие, что они «решают любые вопросы от освобождения от призыва в армию и прекращения уголовных дел до досрочного освобождения от отбытия наказания». И такая реклама никого не настораживает. На самом деле мне кажется, что это как раз и есть очевидное доказательство отсутствия настоящего порядка в этой области. Поэтому главной задачей реформирования.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, защита, защитник, метод, права, криминал, криминализация, общество, рейдер.

Оказание юридических услуг адвокатом нельзя назвать деятельностью индивидуального предпринимателя, направленной на получение доходов и извлечение прибыли. Вполне определенно здесь звучит положение пункта 2 статьи 1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которой адвокатская деятельность

не является предпринимательской. Несмотря на это, здесь можно отметить лишь особое положение адвокатов как лиц, имеющих определенный статус самозанятых субъектов, занимающихся некоммерческой деятельностью при заключении возмездных договоров на оказание услуг юридического характера, подлежащих оплате.

Естественно, что даже при таких условиях, некоммерческая деятельность адвокатов имеет риски

превращения в коммерческую. Реальность такого положения отражается в достаточно специфическом явлении современной практики развития квазигирических услуг в России, которое не имеет словарных и энциклопедических определений, обозначается по субъектам их носителей — «решалы».

Названное категориальное обозначение можно причислять к целому ряду иных криминологически значимых явлений, которые возникали в периоды феноменального развития качественных внутренних характеристик преступности в России. В качестве таковых уверенно можно называть: «откат», «рейдерство», «рэккет», «криминальный рынок». Важно отметить, что все эти явления тесно связаны между собой, взаимообусловлены и могут выступать самостоятельными элементами в единстве преступной экономической деятельности. В этой связи нельзя исключать из спектра внимания криминологов обстоятельства того, что услуги «решал» отражают определенный сектор криминального рынка услуг, участвуют в его формировании. Причем этот сектор, задействован в ближайшем соотношении с экономической, должностной, коррупционной и организованной преступностью, но может быть связан и с иными не криминализованными явлениями (например, с не поддающимся правовому регулированию лоббизмом).

Природа квазигирических услуг, выраженных в деятельности «решал» происходит под влиянием разных детерминант, прежде всего организационно-правового и экономического свойства.

При рассмотрении организационно-правовых детерминант появления и развития услуг «решал» предлагается сослаться на мнение авторитетного представителя адвокатского сообщества Е. Семенико, который приводит следующие суждения: «мы практически единственная страна в Европе, в которой помимо адвокатов юридическую помощь могут оказывать и индивидуальные предприниматели, и люди, не имеющие вообще юридического образования. В результате наряду с адвокатами, которые сдают квалификационные экзамены и несут ответственность за качество своей работы, практикуют люди, утверждающие, что они «решают любые вопросы от освобождения от призыва в армию и прекращения уголовных дел до досрочного освобождения от отбытия наказания». И такая реклама никого не настораживает. На самом деле мне кажется, что это как раз и есть очевидное доказательство отсутствия настоящего порядка в этой области. Поэтому главной задачей реформирования [адвокатуры — Н.К.] должно стать установле-

ние единых требований ко всем участникам сферы юридической помощи на основе законодательства об адвокатуре»¹.

С учетом фиксируемого несовершенства правового регулирования квалифицированной юридической помощи, оказываемой на профессиональной основе, нельзя исключать фактор вовлечения или даже склонения адвокатов к исполнению или соисполнению услуг, отмеченных околоскриминальной и латентно противоправной направленностью. Именно эти обстоятельства могут продуцировать экономические детерминанты криминогенности сферы деятельности адвокатов. Главенствующие мотивы здесь могут выражаться в погони за прибылью, образующуюся за счет доходов от осуществления деятельности защитника.

Нельзя не принимать во внимание иные факторы криминогенного влияния на сферу адвокатуры, которые заключены в кадрово-ресурсных ее свойствах. Расхожим и во многом действительным стало утверждение о том, что основной костяк института адвокатуры, а также источник поступления в нее образуется за счет выходцев из правоохранительных структур, преимущественно из органов следствия МВД, прокуратуры. Такое положение вполне объяснимо и закономерно. Юристы-практики из публично-правового сектора по разным причинам переходят в адвокатуру, где применяют навыки и умения, приобретенные ранее в своей деятельности. Как правило, использование навыков подкрепляется партнерскими связями с бывшими сослуживцами — коллегами. Такая ситуация создает не только эффект поддержки, но и опосредованно образует благоприятные условия для установления и развития отношений, в основе которых можно обнаружить как минимум конфликт интересов, а при детальном анализе типичных уголовных дел, нередко и очевидные коррупционные связи взаимодействия.

Отмечаемые источники и детерминанты криминогенной деятельности адвокатуры характерны для сферы уголовного процесса, однако она не является исключительной зоной благоприятных причин и условий, которые способствуют совершению преступлений субъектами, призванными оказывать квалифицированную юридиче-

¹ Барцевский М. Адвокатское сообщество готовится к переменам на рынке юридических услуг (интервью с Евгением Семенико, президентом Федеральной палаты адвокатов, членом президиума АЮР) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2013. № 1. С. 160–163.

скую помощь, утверждая принципы законности и правопорядка. Не меньшие факторы преступного сползания имеет сфера участия адвокатов в разрешении гражданских споров, или представлении интересов в арбитражном или гражданском процессах. Безусловно, что в чистом виде криминальные способы и средства обеспечения интересов, представляемых адвокатами, здесь рассмотреть не удастся. Между тем через призму изучения криминальной подверженности экономической сферы, нередко обнаруживается участие адвокатов в процессах осуществления криминального банкротства, корпоративного мошенничества и рейдерства². Однако их участие не всегда очевидно в свойствах деяний криминальной направленности. Более того, оно или тщательно вуалируется, либо вообще не сопрягается с прямым нарушением законодательства. Формально адвокаты выступают защитниками интересов одной из сторон спора хозяйствующих субъектов, в котором, как отмечается в специальной литературе требуется использование пробелов корпоративного законодательства любой фирмой для достижения своих целей, что в свою очередь работает на утверждение мнения о том, что рейдерство — это легальный вид предпринимательской деятельности³.

В действительности, такой подход отражает проблемы правового нигилизма правоприменителей, на которых зиждется подмена законности экономической целесообразностью или желанием получить прибыль, приличную оплату труда. При этом учитывая злободневные проблемы деформации правосознания адвокатов, которые чаще всего принято определять в качестве фактора оказания некачественной юридической помощи⁴,

здесь напротив, следует отмечать прямо противоположный, полярный феномен такой деформации, который основывается на качественном использовании знаний, умений и навыков профессии практикующего юриста в целях деятельности, ведущей к образованию криминологически значимых явлений и процессов.

Среди множества установленных в специальных исследованиях проявлений деформации правосознания юристов, представляется целесообразным выделить крайние и специфичные для адвокатов их формы, которые обуславливают их противоправное поведение. Так к крайнюю деформацию правосознания можно охарактеризовать как негативно-правовой радикализм, или перерожденческое правосознание на мотивах корысти и алчности, который проявляется в совершении преступлений и превращение работы в средство нелегального заработка⁵. Специфичную форму деформации правосознания адвокатов часто представляют в обезличивании клиента и в цинизме, доходящем до безразличия к судьбе доверителя⁶.

Думается, что эти формы деформации правосознания, имея разные причины — от внутренней психофизиологической, связанной с так называемым эмоциональным выгоранием адвокатов, до деструктивной внешней, обусловленной влиянием на них окружающей среды (криминальной субкультуры, теневой экономики), способны обуславливать криминогенность их профессиональной деятельности.

Весьма актуально здесь звучит мнение исследователей деформации правосознания правоприменителей о том, что «вовлеченность субъектов в девиантную среду делает уже невозможным удовлетворение ими своих потребностей правовыми средствами, сознание деформируется»⁷.

Однако деформацию правосознания адвокатов нельзя рассматривать в отрыве от индивидуальных характеристик человека, ведь именно они позволят выделить криминологически значимые свойства личности преступника. Здесь важно учитывать не только внутренние субъективные факторы продуцирования деформации правосозна-

² См., например: Пивоварова Н.Н. Объект криминальных банкротств // Общество и право. 2010. № 1. С. 178–183; Аширбекова М.Т., Омарова А.С. О новом «налоговом» поводе к возбуждению уголовного дела // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 41–43; Сухаренко А.Н. Российская корпоративная преступность (в зарубежных оценках) // Юридический мир. 2012. № 5. С. 12–15; Костроба М.Я. Неправомерный захват собственности путем рейдерства: понятие, формы, способы совершения и пути противодействия // Юрист. 2013. № 1. С. 22–25.

³ Ссылку на мнение см.: Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия): монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 163.

⁴ Иванченков Ю.В. Деформация правосознания адвоката в условиях современной России как фактор оказания некачественной юридической помощи // Адвокатская практика. 2011. № 4. С. 2–7.

⁵ Чуйков Д. Понятие деформации профессионального правосознания // Российский судья. №8. 2008. С. 27

⁶ Скабелина Л.А. Проблемы профессиональной деформации личности адвоката // Адвокатская практика. № 2. 2009. С. 36

⁷ Мигущенко О.Н. Деформация правосознания субъектов применения права в условиях общества переходного типа // Мировой судья. № 7. 2011. С. 6–8.

ния — обусловленных гендерными и возрастными началами, трудовой мотивацией и ценностными ориентирами; но и внешние объективные обстоятельства, которые могут закладывать фундамент для искажения правосознания: условия получения образования и профессиональной занятости, стаж работы и даже специализация адвоката.

Факторы деформации правосознания адвокатов, проявляющие себя в контексте их деятельности, вне зависимости от качества ее осуществления, профессиональной или непрофессиональной, нередко увязываются с более общей категорией — нигилизмом.

Нигилизм адвокатов, как бы это парадоксально не звучало, целесообразно начать рассматривать с уже предложенной трактовки содержания. Так в работах представителей современной российской адвокатуры, нигилизм, проявляющийся в деятельности практикующего юриста-защитника представляется как «отрицание общепринятых ценностей: идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни. Сущность его заключается в негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин — в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности ряда адвокатов»⁸.

Практически все вышеприведенные характеристики нигилизма в отношении профессиональной группы самозанятых юристов представляются не просто спорными, но и не вполне допустимым. Основу критики следует искать через призму мировоззренческой категории, образующей понятие «нигилизм», которое, следуя большинству философских энциклопедических определений⁹, означает полное отрицание общепринятых ценностей. Такое понимание сложно интерпретировать применительно к установкам профессиональной деятельности адвокатов, которые являются формальными носителями культуры права, даже при самом общем ее значении. В этой связи менее критичной представляется категория правового нигилизма, которую можно рассматривать в проявлениях: деформации правосознания, девиантного или де-

структивного поведения адвокатов. Однако, даже при таком подходе, правовой нигилизм адвокатов нужно рассматривать весьма аккуратно — применительно к тематике настоящего анализа, только лишь в контексте криминологически значимых явлений: механизма преступного поведения, процессов детерминации и причинности преступности, а также мер предупреждения различных ее проявлений.

Именно при таком формате правовой нигилизм предстает в объемном содержании, который создает благоприятные условия криминогенной подверженности сферы профессиональной деятельности адвокатов, прежде всего связанной с оказанием правовой помощи субъектам, запрашивающим ее.

Здесь нигилизм проявляет себя в недостаточном развитии правовой грамотности и правосознания граждан, в том числе представителей юридических лиц, которые нередко полагаются на адвокатов, абсолютно доверяя им обеспечение защиты своих законных прав и интересов. Возможно, что такое отношение доверителей объясняется обстоятельствами прошлого развития советской адвокатуры, задачи которой рассматривались в бескорыстном служении государственным и общественным интересам, с институциональным контролем за правозаступничеством¹⁰. Естественно, что в изменившихся современных условиях отсутствует эффективный механизм контроля за качеством оказываемой адвокатами юридической помощи, за исключением дисциплинарной ответственности, которая представляет собой пост контроль, предоставляющий недостаточные возможности для профилактики и пресечения противоправного использования адвокатами своих полномочий в собственных интересах.

Разумеется, было бы неправильно каждую сомнительную позицию адвоката — защитника объяснять его намерениями совершить преступление в отношении своего клиента. Однако подобные случаи все же встречаются. Более распространенным является другое опосредованное проявление нигилизма со стороны доверителей адвокатов, которое изначально нацелено на криминал.

Специалисты, исследующие подверженность адвокатов преступным проявлениям отмечают, что в правоприменительной практике часто встречаются случаи «криминального» консультирова-

⁸ Мельниченко Р.Г. Самый тяжкий грех адвоката // Адвокат. 2007. № 3.

⁹ См.: Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983; Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.

¹⁰ См.: Сухарев А.Я. насущные задачи советской адвокатуры // Государство и право. № 10. 1964. С 3–13.

ния, когда «адвокат, используя свои профессиональные знания, подсказывает заинтересованной стороне юридически наименее уязвимые способы совершения конкретных преступлений, а также последующего сокрытия их следов и легализации преступных доходов. Привлечь при таких обстоятельствах адвоката за соучастие в форме интеллектуального пособничества почти невозможно, поскольку его советы связаны не столько с тем, как совершить само преступление, а скорее с тем, как впоследствии уйти от ответственности, что, в свою очередь, укрепляет решимость злоумышленников реализовать преступный план и снижает вероятность раскрытия такого преступления и изобличения виновных»¹¹.

До проведения детального анализа криминологической характеристики преступлений, совершаемых адвокатами в ходе осуществления профессиональной деятельности защитника, можно предположить, что востребованный сектор так называемого «криминального» консультирования складывается в сфере экономических отношений, не без участия представителей организованной преступности.

В этой связи криминологически примечательны обстоятельства, фиксирующие повышенную криминогенность сферы деятельности адвокатов, отмеченные одним из руководителей профессионального сообщества адвокатов Г.М. Резником: «Надо иметь в виду изменившуюся ситуацию среди клиентуры. Организованные преступные группировки и криминализованные коммерческие структуры требуют от адвокатов выигрыша заведомо несправедливых дел и при их отказе применять незаконные методы защиты (подкуп, фальсификация, подговор) прибегают к шантажу и угрозам»¹².

Можно отмечать и иные проявления криминального консалтинга адвокатов для представителей преступной среды, которые чаще всего складываются в ходе осуществления уголовного процесса. Как правило услуги адвокатов не проявляются как преднамеренные в преступном содержании, поскольку выдаются как действия в интересах клиентов. Между тем умышленный характер причинения вреда правосудию и правоохранительной деятельности становится очевидным в случаях специаль-

ной организации срыва следственных действий или судебного заседания. Технология таких срывов как правило носит формально-юридический характер, но за ними можно рассмотреть отсрочку правосудия в целях достижения, например, сговора между подзащитными с заинтересованными лицами. Все это удобно строится на посреднических услугах адвокатов по обеспечению контактов своего клиента с представителями преступной средой, на которых возлагаются акции устрашения, шантажа или подкупа свидетелей, потерпевших, а нередко и других участников уголовного процесса (судей, экспертов, государственных обвинителей, адвокатов, представляющих интересы другой стороны).

Анализируя случаи непосредственного и опосредованного участия или соучастия адвокатов в преступной деятельности, вызванной исполнением пожеланий и установок своих доверителей или подзащитных, представляется правильным определять их не в качестве «криминального консультирования», а более широко — «криминального консалтинга». Разница в категориях «консультирование» и «консалтинг» небольшая, если рассматривать их в содержании целей деятельности адвоката, направленной на решение поставленной клиентом проблемы. Между тем для выяснения источников институциональной криминогенности сферы адвокатуры, предпочтительно использование понятия «криминальный консалтинг», которое при рассмотрении в аналогии практического консалтинга¹³ позволяет точно отразить вышеописанные его составляющие, имеющие криминологическое значение, а именно: нуждаемость в идеях; потребность в использовании опыта и знаний; обеспечение согласия по важному вопросу; помощь в завершении проекта.

Таким образом принимая во внимание выше произведенные авторские суждения и выводы относительно исследования большого спектра общественных отношений, связанных с преступностью адвокатов, непременно станет вывод о том, что эта область познания содержательна в изучении, и представляется важной для восполнения теоретических и практических основ реагирования на малоизученную область криминологически значимых проявлений.

¹¹ Цветков Ю.А. Уголовная ответственность адвокатов // Уголовное право. 2002. № 4. С. 50 — 52.

¹² Резник Г.М. Спасите адвокатуру // Рассказывают адвокаты / Отв. ред. Г.М. Резник. М.: Ин-т государства и права РАН; Президиум Моск. гор. коллегии адвокатов, 2000. С. 170.

¹³ См.: Карен Фелан. Простите, я разрушил вашу компанию. Почему бизнес-консультанты — это проблема, а не решение. М.: Альпина Паблишер, 2013.

Библиография:

1. Аширбекова М.Т., Омарова А.С. О новом «налоговом» поводе к возбуждению уголовного дела // Российская юстиция. 2012. № 3.
2. Барщевский М. Адвокатское сообщество готовится к переменам на рынке юридических услуг (интервью с Евгением Семеняко, президентом Федеральной палаты адвокатов, членом президиума АЮР) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2013. № 1.
3. Сухаренко А.Н. Российская корпоративная преступность (в зарубежных оценках) // Юридический мир. 2012. № 5.
4. Костроба М.Я. Неправомерный захват собственности путем рейдерства: понятие, формы, способы совершения и пути противодействия // Юрист. 2013. № 1.
5. Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия): монография. М.: Волтерс Клувер, 2010.
6. Иванченков Ю.В. Деформация правосознания адвоката в условиях современной России как фактор оказания некачественной юридической помощи // Адвокатская практика. 2011. № 4. С. 2–7.
7. Карен Фелан. Простите, я разрушил вашу компанию. Почему бизнес-консультанты-это проблема, а не решение. М.: Альпина Паблишер, 2013.
8. Резник Г.М. Спасите адвокатуру // Рассказывают адвокаты / Отв. ред. Г.М. Резник. М.: Ин-т государства и права РАН; Президиум Моск. гор. коллегии адвокатов, 2000.
9. Чуйков Д. Понятие деформации профессионального правосознания // Российский судья. №8. 2008. С. 27.
10. Скабелина Л.А. Проблемы профессиональной деформации личности адвоката // Адвокатская практика. № 2. 2009. С. 36.
11. Мигущенко О.Н. Деформация правосознания субъектов применения права в условиях общества переходного типа // Мировой судья. № 7. 2011.
12. Мельниченко Р.Г. Самый тяжкий грех адвоката // Адвокат. 2007. № 3.
13. Пивоварова Н.Н. Объект криминальных банкротств // Общество и право. 2010. № 1.
14. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983; Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.
15. Сухарев А.Я. Насущные задачи советской адвокатуры // Государство и право. № 10. 1964.
16. Цветков Ю.А. Уголовная ответственность адвокатов // Уголовное право. 2002. № 4.
17. Трофимов В.В. Участие структур гражданского общества в правообразующих правоотношениях как форма выражения народовластия // NB: Вопросы права и политики. — 2012. — 5. — С. 147–170. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_364.html
18. Костенников М.В., Куракин А.В., Павлюк А.В. К вопросу о понятии и методах государственного управления в административном праве // NB: Административное право и практика администрирования. — 2014. — 2. — С. 40–63. DOI: 10.7256/2306-9945.2014.2.11188. URL: http://www.e-notabene.ru/al/article_11188.html
19. Трунов И.Л. Проблема современной адвокатуры // Административное и муниципальное право. — 2010. — 8. — С. 5–6.

References:

1. Ashirbekova M.T., Omarova A.S. O novom «nalogovom» povode k возбуждениyu ugovnogo dela // Rossiiskaya yustitsiya. 2012. № 3.
2. Barshchevskii M. Advokatskoe soobshchestvo gotovitsya k peremenam na rynke yuridicheskikh uslug (interv'y u s Evgeniem Semenyako, prezidentom Federal'noi palaty advokатов, chlenom prezidiuma AYuR) // Vestnik Federal'noi palaty advokатов RF. 2013. № 1.
3. Sukharenko A.N. Rossiiskaya korporativnaya prestupnost' (v zarubezhnykh otsenkakh) // Yuridicheskii mir. 2012. № 5.
4. Kostroba M.Ya. Nepravomernyi zakhvat sobstvennosti putem reiderstva: ponyatie, formy, sposoby soversheniya i puti protivodeistviya // Yurist. 2013. № 1.

5. Fedorov A.Yu. Reiderstvo i korporativnyi shantazh (organizatsionno-pravovye mery protivodeistviya): monografiya. M.: Volters Kluver, 2010.
6. Ivanchenkov Yu.V. Deformatsiya pravosoznaniya advokata v usloviyakh sovremennoi Rossii kak faktor okazaniya nekachestvennoi yuridicheskoi pomoshchi // Advokatskaya praktika. 2011. № 4. S. 2–7.
7. Karen Felan. Prostite, ya razrushil vashu kompaniyu. Pochemu biznes-konsul'tanty-eto problema, a ne reshenie. M.: Al'pina Pablisher, 2013.
8. Reznik G.M. Spasite advokaturu // Rasskazyvayut advokaty / Otv. red. G.M. Reznik. M.: In-t gosudarstva i prava RAN; Prezidium Mosk. gor. kollegii advokatov, 2000.
9. Chuikov D. Ponyatie deformatsii professional'nogo pravosoznaniya // Rossiiskii sud'ya. №8. 2008. S. 27.
10. Skabelina L.A. Problemy professional'noi deformatsii lichnosti advokata // Advokatskaya praktika. № 2. 2009. S. 36.
11. Migushchenko O.N. Deformatsiya pravosoznaniya sub'ektov primeneniya prava v usloviyakh obshchestva perekhodnogo tipa // Mirovoi sud'ya. № 7. 2011.
12. Mel'nichenko R.G. Samyi tyazhkii grekh advokata // Advokat. 2007. № 3.
13. Pivovarova N.N. Ob'ekt kriminal'nykh bankrotstv // Obshchestvo i pravo. 2010. № 1.
14. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. — M.: Sovetskaya entsiklopediya. Gl. redaktsiya: L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. 1983; Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 tt. M.: Mysl'. Pod redaktsiei V. S. Stepina. 2001.
15. Sukharev A.Ya. Nasushchnye zadachi sovetskoj advokatury // Gosudarstvo i pravo. № 10. 1964.
16. Tsvetkov Yu.A. Ugolovnaya otvetstvennost' advokatov // Ugolovnoe pravo. 2002. № 4.
17. Trofimov V.V. Uchastie struktur grazhdanskogo obshchestva v pravoobrazuyushchikh pravootnosheniyakh kak forma vyrazheniya narodovlastiya // NB: Voprosy prava i politiki. — 2012. — 5. — С. 147–170. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_364.html
18. Kostennikov M.V., Kurakin A.V., Pavlyuk A.V. K voprosu o ponyatii i metodakh gosudarstvennogo upravleniya v administrativnom prave // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. — 2014. — 2. — С. 40–63. DOI: 10.7256/2306-9945.2014.2.11188. URL: http://www.e-notabene.ru/al/article_11188.html
19. Trunov I.L. Problema sovremennoi advokatury // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. — 2010. — 8. — С. 5–6.